

Мир аллегорий в полотнах Лю Вэя

Филипп ДАЖЕН

«МОНД», ПАРИЖ.

ПЕКИН зимой кажется серым обледеневшим городом. Если верить газетам, погода на четыре градуса теплее средней, хотя рвы с водой вокруг «Запретного города» и городские пруды покрыты льдом. Ненамного теплее и в мастерской Лю Вэя — художника, чье творчество весьма далеко от официального искусства. Большинство художников его поколения преподают в школах и других образовательных учреждениях. А он — нет. Лю Вэй — «профессиональный художник», что означает — свободный.

Его мастерская — если только ее можно так назвать — это бывшая фабрика, расположенная в центре города. Чтобы сюда добраться, нужно пройти по полуразрытой и загроможденной машинными уличке, выходящей в некое подобие двора — пустое пространство между ветхими строениями, всё в ямах и грудах строительного мусора. Не меньшее удовольствие доставит посетителю и лестница, которая поможет вам понять: живущий здесь художник никак не принадлежит к придворным и осыпанным милостями живописцам.

Лю Вэй обосновался в этом призрачном замке вместе с несколькими друзьями, окончившими, как и он, Пекинский художественный институт. Кое-кто из бывших сокурсников, променявших искусство на бизнес, сумел разбогатеть, выкупил это здание и сдает его теперь прежним товарищам. Плату берет натурой — одно полотно в год. Как и следует ожидать, жилище самое примитивное: ни полы, ни потолки не внушают доверия, электричество вовсе отсутствует, комнаты либо слишком тесные, либо слишком большие, даже дневной свет с трудом пробивается сквозь оконные стекла.

Работает Лю Вэй в невероятно загроможденной комнате, напоминающей коридор. Две ее трети занимают прислоненные к сте-

нам картины и обтрепанные папки, полные рисунков. На оставшемся пространстве расположились изнуренное старостью канапе, телевизор, садовый стул, два оглушительно трезвонящих телефона, бутылки, банки с красками, кипы журналов и две неподвижные и молчаливые девушки в спортивных куртках.

Договоренность о встрече была достигнута накануне, после короткого разговора через переводчика (при скорбная необходимость). Лю Вэй отметил, что он и его друзья (а это около десятка художников) не являются ни группой, ни движением, ни даже авангардом, у них нет никакой общей доктрины. Единственное, что их объединяет, — это то, что они живут на одном этаже. Охарактеризовать свою живопись Лю Вэй отказался. Обоснованная предосторожность, потому что его живопись неопределима. Это синтез, в котором сплелись воедино воспоминания о социалистическом фотореализме, знакомство с полотнами известного английского художника Фрэнсиса Бэкона, реминисценции буддийских «танка» и пародия на рекламные проспекты модных магазинов, торгующих товарами с маркой «Сделано в Гонконге». Все это пронизано острым сатирическим духом и раскрашено кричащими красками.

Сюжеты? Лю Вэй пародирует штампы официального искусства, торжественные портреты Мао, героические аллегории революции. Вот изображенная в натуральную величину молодая женщина в черном бюстгалтере и пурпурного цвета шортах гримасничает на фоне Ниагарского водопада, усыянного алыми розами. А здесь воин в каске с красной звездочкой, грезящий эротическими сценами. — «Портрет отца» назвал свое произведение художник, вообще мастер придумывать названия. Вот гигантский младенец со старческим лицом, орущий в ванне, где плавают электрические провода. Этот несчастный ребенок появляется и на других картинах — он то ревет, то показыва-

ет язык, словом, какая-то жуткая аллегория скорби. Наконец, квадриптих, изображающий четверых: Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, маршала Чжу Дэ и еще одного молодого человека. Все четверо плещутся в волнах с красивыми бело-голубыми барашками. «Четвертый — это тренер по плаванию», — объясняет Лю Вэй. Похоже, они тонут? «Может быть, тонут, а может быть, учатся плавать. Это как вам больше нравится».

Лю Вэй. «Новое поколение».

Отвечает Лю Вэй лаконично и зачастую туманно. Может быть, виной тому присутствие переводчика? Художник рассказывает свою биографию. Родился он в 1965 году в Пекине, следовательно, слишком молод, чтобы успеть пострадать от «культур-

ной революции». Учился в художественном институте на отделении живописи и литографии. До сегодняшнего времени мало выставлялся на родине, не считая нескольких полуподпольных выставок, дозволенных властью. Его картины часто покупают иностранные коллекционеры и арт-дилеры из Гонконга и Европы. Одна из работ сейчас выставлена в Лондоне, еще несколько скоро будут показаны в Париже, так что Лю Вэй вполне можно назвать одним из самых известных китайских художников, разумеется, за пределами Китая.

Как он работает? «Медленно, очень медленно. По несколько недель, а то и месяцев над одной картиной». Судя по его манере, это правда, настолько она строга, отточена, лишена крупных мазков, внешних эффектов. Этот стиль можно было бы назвать сугубо нейтральным. Художник показывает альбом с рисунками, набросками лиц и композиций, намеченных четкими, уверенными, законченными линиями. Знает ли он Отто Дикса и других немецких художников — «новых объективистов», о которых нельзя не вспомнить, глядя на его работы? Лю Вэй ничего не знает о них, говоря, впрочем, что ему интересны два других западных художника, оба из Англии — Фрэнсис Бэкон и Лусиан Фрейд. Репродукции их произведений он видел в журналах.

Другие источники? Фотография. Иногда он использует сюжеты из западных журналов, стремясь подчеркнуть, какое огромное влияние капиталистический Запад оказывает на воображение его зачарованных соотечественников. К той же области социального анализа относятся телевизоры, которые он часто помещает на заднем плане своих картин. «Их теперь полно, и с каждым днем становится все больше».

Считает ли Лю Вэй себя художником-реалистом современного Китая? «И да, и нет». Нельзя ли уточнить? Он улыбается. «Есть то, что вижу я, и то, о чем думают люди...» Лю Вэй показывает на свои картины, как бы говоря, что его работы достаточно сильны и выразительны, чтобы нуждаться в дополнительных объяснениях. Впрочем, так оно и есть.